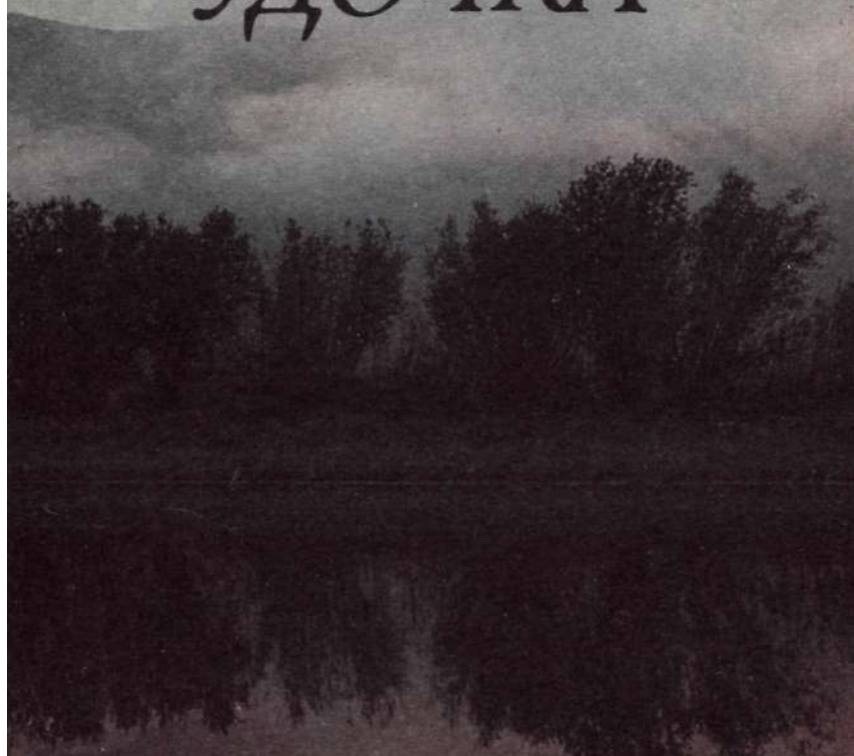

Петр Комаров

ЗОЛОТАЯ УДОЧКА

Амур- мечта рыбацкая

Вода все прибывала, затопляя высокую траву на берегу протоки, где мы со стариком Евсеём — веселым светлородым бакенщиком — удили рыбу. В нескольких шагах от нас, среди голого прибрежного песка, торчали редкие елочки хвошей. Час назад

вода только подступала к ним, а теперь они были за топлены по самые маковки и дрожали, как в ознобе, сопротивляясь течению.

Вместе с полой водой из Амура в протоку густо шла разная рыба. У берега шумно плескались чебаки, а чуть подальше, обозначая свой путь многочисленными клиньями волн, плыли какие-то крупные рыбы.

— Следи за поплавками, парень,— возбужденно шептал мне Евсей, сверкая лучистыми, совсем не старческими глазами,—самое время клеву подходит...

Бакенщик не предупреждал бы меня об этом, если бы не заметил моей рассеянности. В ту минуту я на поплавки не смотрел. Меня привлекло другое: под водой кто-то начал усердно выкашивать хвощи, которые мы только что разглядывали. Нет, я не ошибся! Травинка за травинкой, елочка за елочкой, вздрогнув от чьего-то прикосновения, бесследно исчезали под водой. Вода в этом месте ходила, как живая, и я сожалел, что она была мутной: сколько ни гляди — ничего не увидишь.

Когда я показал Евсею, что делается с травой, он разволновался пуще меня и приложил два пальца к губам: не шуми, дескать, уж очень важная рыба пошла.

Потом старик повел себя еще неожиданнее: пригибаясь к земле и осторожно опуская в траву босые ноги в суконных, высоко засученных штанах, он поспешил к нашему рыбацкому шалашу, который был устроен шагах в тридцати от берега, возле дикой амурской яблони.

Обратно вернулся он раздосадованный и не довольный.

— Старый козел, дырявый котел,—ругал он себя,—опять острогу забыл. Думал — она в шалаше, да где там! Дома осталась. А какую добычу упустили! Ведь эту рыбу только острогой и возьмешь. К самому берегу подходила...

Я не знал, о какой рыбе идет речь, и не расспрашивал старого рыболова, надеясь, что Евсей не утерпит и сам расскажет о том, что его так взволновало.

— Всю траву выкосила,—заговорил он, передохнув, и кивнул головой в ту сторону, где стояла рыба и где не осталось уже ни одной хвощинки.—Жирует она теперь на лугах, просторно ей тут. Ведь старик-то вон как разошелся, не остановишь!..

Я догадался, что Евсей говорит об Амуре, почти-точно называя его «стариком», и приготовился слушать бакенщика.

— Когда рыба на траву пошла,—продолжал он,—ее сподручнее ловить в протоках. Здесь ее теперь видимо-невидимо. Только не всякую рыбу на приманку возьмешь, Ты слышал когда-нибудь, чтобы толстолоба на перемет или на удочку ловили? Не слышал? Вот то-то и оно. Эта рыба, кроме травы, никакой пищи не знает. А траву вместо живца на крючок не прицепишь. На толстолоба острога нужна, либо невод хороший... Есть и еще одна рыба, которую крючками не ловят. Она только в Амуре живет, амуром и прозывается. Красавица-рыба! Чешуя, как золотые рубли, поглядишь — глазам больно, а мясо — лучшего не найдешь: белое-белое, и все в сладком жире. Не знаю, врут китайцы, нет ли, только слышал я от них, будто в старину рыба эта у самого ихнего богдыхана за первое блюдо сходила. А по советским временам такое царское блюдо всем амурским рыбакам доступно. Особенно зимой, когда они запускают подледные невода. Амур — хитрая рыба и место для зимовки выбирает как раз там, где больше ледяных торосов. Попробуй-ка туда сеть закинуть! Ничего не выйдет, всю снасть изорвешь. Только люди ее перехитрили: они выбирают чистое дно и гладкий лед, а рыбу в невод загоняют колотушками. Иной раз с одного лежбища по две тонны берут.

— А как же можно узнать, где рыба залегла на зимовку? — спросил я Евсея, заинтересованный его рассказом. — Сквозь лед ведь ничего не разглядишь.

— Находятся люди, узнают. Да рыба и сама себя выдает... Видал ты когда-нибудь китайскую лапшу, которую палочками едят? У китайцев одна лапшина в четыре аршина: отыскал конец — и пошел швырять. Рыба на зимовке покрывается густой слизью, и от каждой стаи тянется эта слизь по течению наподобие китайской лапши. Вода обрывает ее и уносит вниз. Там она цепляется за рыбацкие снасти. Присмотрит рыбак такое дело и давай долбить прорубь за прорубью, пока не подобрется к самой стае. А тогда приходит колхозная бригада, закидывает невод и загоняет рыбу. Как ни хитер амур, а невода ему не миновать.

Обо всем, что касалось рыбной ловли, Евсей говорил с увлечением и его можно было слушать часами. Однако я все еще не понимал, какое отношение имеет его рассказ к тому «подводному косарю», за действиями которого мы наблюдали.

— Не амур ли траву-то здесь выкосил? — высказал я свое робкое предположение и тут же усомнился в нем: ведь травой не брезгует и сазан, и толстолоб, и карась. У старика же не было на этот счет никаких сомнений.

— Он самый, амур-красавец! — ответил Евсей. — Другая рыба всякую траву шиплет, а этот выбирает хвощи. Распотрошишь иного амура, так у него хвощами все кишки забиты. Понял? Если хочешь быть хорошим рыболовом — все примечать надо...

Евсей замолчал, сосредоточенно поглядывая на поплавки. Начинался клев. Мы оба едва успевали вытаскивать рыбу. Старый рыболов был доволен. Только вечером, когда мы собрались уходить, он еще раз посмотрел на то место, где не так давно покачивалась затопленная водой трава, и махнул рукой:

— Эх, Амур — мечта рыбацкая!..

Я не понял, к рыбе ли относились эти слова или к великой реке, набухшей от летнего паводка. Скорее всего, они относились и к реке, и к рыбе.

Касатка и пескари

*Н*е знаю, попадалось ли кому-нибудь из рыбаков сразу по несколько рыбок на один крючок, а со мной случалась такая оказия.

Я ловил в Зее пескарей для перемета. Невзрачная эта рыбешка держится на дне, где есть галька

или песок, и, табуясь вместе с гольянами, синявками и всякой другой мелюзгой, не дает покоя рыболову. Завидев червяка, вся стая набрасывается на него, вырывает крючок друг у друга и непрерывно тормозит леску. Неопытному удильщику может показаться, что клюет крупная рыба.

Зато нет живца лучше пескаря. Если его правиль-

но наживлять — не протыкать крючком спину, как это делает большинство рыбаков, а осторожно пропускать крючок через жабры в рот, прикрепляя поводок двумя петлями к телу ниже хвостового плавника, — он долго не засыпает, свободно ходит на поводке и служит лакомой приманкой и для щуки, и для сома, и для тайменя.

Ловить пескарей нетрудно — только успевай иод

секать. Мне хотелось уже прекратить это занятие, но леска вздрогнула сильнее обычного, я поднял удилище — и замер в недоумении: на одном крючке болтались сразу три рыбки. Это были два пескаря и скрипучая желтобрюхая касатка.

Когда я рассмотрел свой необычный улов, мне живо представилось, что произошло под водой. На червя накинулась большая стая рыбок. Пескари наперебой старались перехватить приманку. Одна рыбка глотнула червя так поспешно, что крючок, скользя между жабер, вылетел наружу — за жаберную крышку. Тут за него уцепился другой пескарь и, захватив добычу, пустился наутек, волоча за собой соседа. Поблизости проплывала касатка. Она соблазнилась беглецами и попробовала их догнать. На ее пути встретилась леска. Не разобрав, в чем дело, касатка скрипнула своими костными «замками» и мертвой хваткой прижала к телу тонкую шелковую нить. Кто же знал, что леска окажется как раз под сомкнутым плавником!..

Одним рывком удилища я решил участь всей этой строптивой компании.

Золотая удочка

В октябре прошлого года я отправился на берег Уссури удить чебаков, а вернулся домой с фазаном в руках.

— Где ты купил этого лесного петуха? — спрашивали меня домашние, разглядывая фазана, трепещу-

щего длинными радужными перьями.

— Не купил, а поймал на удочку, — совершенно серьезно ответил я, и мне пришлось рассказать, как это произошло.

Когда я расположился рыбачить — напротив меня, на другой стороне реки, прогремели, с короткими промежутками, четыре выстрела. Вначале я не обратил на них внимания, а потом выстрелы стали повторяться все чаще и чаще. Над прибрежной полосой тальника и ольховника — то в одном, то в другом месте — появлялись какие-то птицы, которых нельзя было распознать с моего берега — река здесь была широкой. Перелетев на небольшое расстояние, птицы снова опускались в тальник, исчезая из виду. «Наверно, досужий охотник распугивает ворон», — подумал я. А над рекой прокатилось эхо нового выстрела, птицы опять взмыли кверху и вдруг, круто повернув, беспорядочной стаей полетели прямо на меня.

— Фазаны! — разглядел я, когда они перевалили за середину Уссури, и тут же стал недоумевать: одна птица за другой, снижаясь к реке, неуклюже плюхались в воду. Какой-то рыбак, проверявший вдали от берега свои переметы, торопливо поплыл им навстречу. Птицы вертелись из стороны в сторону, лодка уже настигала их, и вскоре я увидел, как рыбак хватал их руками, ударял каждую головой о весло и бросал в лодку.

Наблюдения мои были прерваны фазаном, который подплывал к берегу слева от меня. Его я заметил только сейчас. Фазан — это был крупный петух — держался на воде беспомощно и, почти не продвигаясь вперед, вяло ворочал головой. Плавать он не умел и пугливо разглядывал чуждую ему стихию. Он был в пятнадцати метрах от берега. Уже можно было различить красноватые ободки над его глазами.

Во мне заговорил охотник. Бросив удочку, я за-

бегал по берегу, не зная, как поймать птицу. Лодки поблизости не было, а купаться в ледяной октябрьской воде — мало удовольствия. Петух же, напуганный моей суетней, изменил направление и, смешно вращая четырехпальными лапами, стал отгребать от берега. Тут-то я и вспомнил о своей удочке! Схватив удилище, я отбежал на несколько шагов вниз по течению, куда, по моим расчетам, должен был подплыть фазан, и спрятался за камень.

Фазан, покрутившись на месте, снова повернул к берегу. Когда расстояние до него немного сократилось, я пустил в ход удочку, стараясь забросить леску так, чтобы крючок зацепился за перо птицы. Мне удалось это со второго же раза: крючок упал на спину петуха, зацепился за крыло, и я «выудил» фазана, как рыбу.

К тому времени к берегу причалил рыбак. В его лодке лежало семь фазанов.

— Знатная охота! — сказал он, кивнув головой на свою добычу, и добавил: — Жирные они теперь, осенью. Ишь ведь как отяжелели — Уссуру перелететь не могли, вынужденную посадку пришлось делать. Здорово же их распугали охотники!..

У меня добыча была поскромнее. Но вечером, когда мы ели жареную фазанину, сын по достоинству оценил и мои охотничьи успехи:

— Золотая у тебя удочка, папа!..

Рыбы-пешеходы

В 1939 году на левом берегу Амура напротив Хабаровска я наблюдал, как сом переползал из небольшого озера в Сухую протоку. Прежде озеро это сообщалось с протокой неглубокой канавой. После спада воды канава высохла — на ее дне оставался

только влажный ил. Обмелело и озеро.

Сом я нашел в канаве. Он, видимо, не успел уйти из озера, когда вода пошла на убыль, и теперь, извиваясь всем телом и оставляя за собой длинный след в иле, перебирался в протоку пешим порядком. Я застал сома уже метрах в двенадцати от озера.

В декабре 1940 года газета «Красноярский рабочий» привела описание еще более интересного случая.

Один местный житель нашел в траве между Енисеем и обмелевшей протокой живую щуку. Он подобрал ее, так и не разгадав, откуда она здесь появилась. Через некоторое время в этих же местах было подобрано еще несколько живых щук. Это навело на мысль, что щуки перебирались из одного водоема в другой сухопутным способом — по влажной траве, пока с нее не сошла роса.

И озеро, из которого переползал сом, и протока, откуда перекочевывали щуки, не сегодня-завтра могли высохнуть. Инстинкт самосохранения подсказал рыбам, что спастись от гибели можно только бегством. Рыбы отважились выйти на сушу. Другого выбора у них не было.

топляет ближние луга. Вместе с полой водой в Бермиканку заходит зейская рыба, и здесь ее подкарауливают рыбаки: ставят заездки, закидывают мордуши и вентери, ловят удочками.

Как-то вечером отправился на речку и я. Солнце было уже на исходе, погода тихая, и рыба клевала хорошо. Под ветвями тальника, полузатопленного

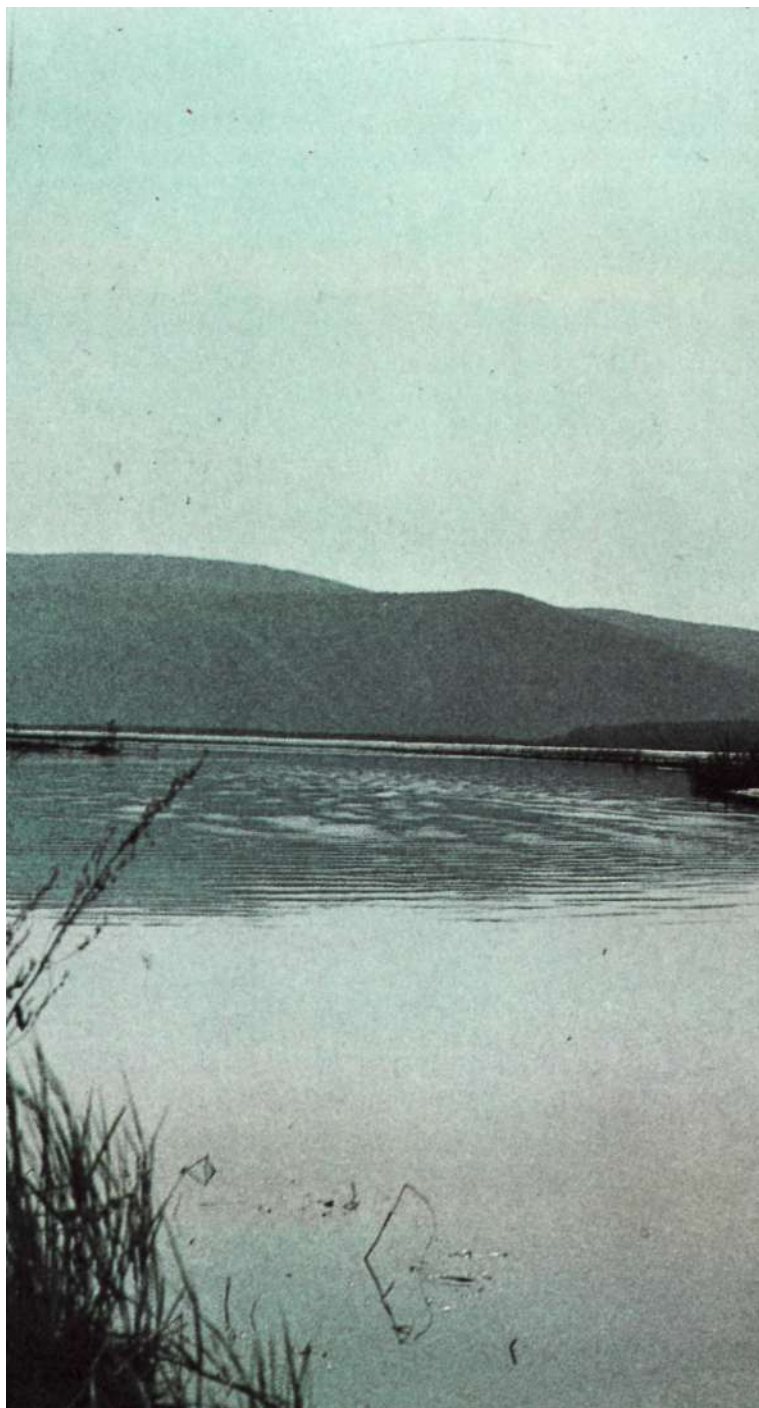
Мне пришлось подсмотреть однажды, как сомы охотятся за птицами. Было это на маленькой речке Бермиканка, воды которой текут в Зею.

Зимой эта речушка вымерзает до дна, а во время летних паводков разливается на сотни метров и за-

водой, бултыхались сомы. Их грузные шлепки и причмокивания слышались поминутно.

Я не отрывал глаз от поплавков. То одна, то другая пробка, лениво хлопнув, наискось уходила ко дну. Сомы брали червя с ходу, не останавливаясь.

Мое внимание отвлекла стайка воробьев, опустив-

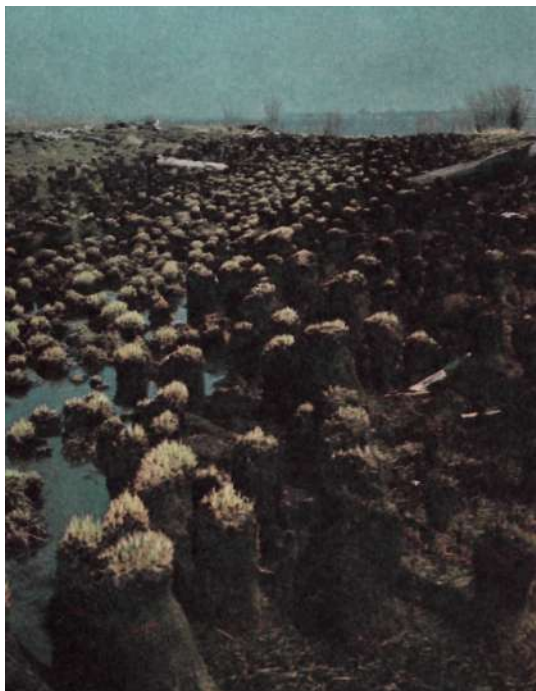

шаяся на соседний куст. Суetyась и чирикаая, они перепрыгивали по таловым ветвям к самой воде. Вот один из них сел на край зеленого прутика, колеблемого течением, и уже приготовился пить, выгнув серую шейку. В это время среди тальниковых ветвей послышался тяжелый плеск и воробей исчез под водой. Я успел заметить только голову сома, отливающую черным лаком, и его длинные растопыренные усы с подусниками.

Сом поймал воробья!

Такого птицелова я никогда еще не видывал. Его выходка так меня поразила, что следить за поплавками с прежней внимательностью я уже не мог.

После паводка

Конец летнего паводка. Отшумели на лугах и покатались вниз полые воды. Под августовским солнцем стали высыхать поемные озера. Обмелели протоки. Только серый след ила на травах и тальниках да копна сена, занесенная на вершину черемухи и по-

висшая на ее ветвях, как огромное воронье гнездо, напоминают о высокой воде. Успокоился и посветлел старый Амур. Сильнее заплескалась в нем рыба.

Неохотно возвращалась она с богатых летних пастбищ, где нагуливала жир. Полчища сазанов, карасей, чебаков, сомов, касаток еще и сейчас гуляют в озерах и протоках. Одни задержатся там до поздней осени, другие и вовсе не отыщут обратных путей к Амуру. Их будут клевать птицы, ими будут обжираться дикие звери — лисицы, барсуки, колонки, еноты.

Возвращение рыбы в Амур после паводка — какая это неповторимая картина!

Однажды я проходил по берегу Сухой протоки, разделяющей пополам левобережный остров напротив Хабаровска. Восточная часть протоки уже высохла, обнажив песчаное русло, а западная перестала оправдывать свое название: она превратилась в длинный залив Амура, скрытый густыми зарослями тальника. Откуда-то из глубины этих зарослей ко мне долетали странные звуки, похожие то на тихое хлопанье детских ладоней, то на всплески падающей воды, то на чавканье многих ртов. Временами они сливались в один приглушенный шум, и тогда шлепки и чавканье проступали в нем явственнее всех остальных звуков.

Привлеченный этим непонятным шумом, я раздвинул тальниковые кусты и увидел перед собой устье маленького ручейка, сбегаящего с острова в протоку. Оно сплошь было забито сомами. Сомы ворочались здесь, переваливаясь один через другого, всюду из неглубокой воды торчали их лоснящиеся спины, хвосты и головы. Сомов было так много, а ручей так мал, что из-за тесноты они выталкивали друг друга на берег, опрокидывались, усиленно вращали гибкими телами и ползли вперед.

Навстречу им из ручья катился непрерывный по-

ток мелкой рыбы — чебаков, карасей, коньков, пескарей, синявок. Между всей этой мелюзгой, иногда оседлав ее, в протоку карабкались раки. Это и привлекло сюда сомов. Они массами пожирали мелкую рыбу, чавкали, хлопали разинутыми ртами и глотали без конца. Задние напирали на передних, но передние стояли плотными рядами и не хотели уступать выгодных мест. Все они скопились у гнилой талины, поваленной поперек ручья и перегородившей его слабое течение. Вода через валежину едва сочилась и волокла с собой уставших, измученных рыбок, которые падали сверху прямо в открытые пасти сомов. Их громкое чавканье я и принял издали за приглушенные шлепки детских ладоней.

Сомы жрали торопливо, жадно и много. Они толкались между собой, как поросята у корыта. Их желудки вздулись и стали круглыми. Из открытых ртов торчали рыбы хвосты вперемешку с клешнями раков. Некоторые, уже не в силах проглотить хотя бы маленькую рыбку икринку, все-таки не отходили от валежины и бесполезно тыкались полными, словно законопаченными, ртами в обессиленных чебаков. Я стоял как вкопанный. Никогда в жизни не приходилось мне видеть такого рыбьего пиршества. Поистине это был праздник обжорства, где все объедалось, чавкало, давилось, причмокивало.

Из протоки в устье ручья подходили новые сомы, и если им удавалось пробиться к валежине,— они хватили добычу на лету, подскакивали и пытались даже перепрыгнуть преграду, чтобы им никто не мешал обжираться.

Только выйдя из оцепенения, в которое меня привели сомы, я сообразил, что могу, пожалуй, до отказа набить ими свою охотничью сумку. Потеряв всякую осторожность, я спрыгнул с кручи берега к самой воде. Ой, что тут было! Напуганные моим появлением, сомы завертелись в устье ручейка, словно

на большой сковороде. Они сотнями хлынули вниз, в протоку. Похоже было, что их сыпали туда из мешка. Иной обжора со страху выкатывался на влажный прибрежный песок и на раздутом, как резиновый мяч, брюхе сползал обратно, попадая не в воду, а на скользкие спины других сомов. В замешательстве сомы бросались из стороны в сторону, норовя поскорей выбраться из ручья, как из ловушки. Вода вокруг закипела, напоминая котел.

Пока я сбрасывал сапоги и засучивал брюки, чтобы начать охоту,— устье ручья наполовину опустело. Однако в мутной воде замешкался не один десяток сомов, я угадывал их по обнаженным хребтам, прижимал руками к песчаному дну и выкидывал на берег. Сомы стучались в мои ноги, выскальзывали из рук, но я хватал и хватал их, увлеченный необычной охотой.

Сумка моя действительно наполнилась доверху. Теперь мне можно было разглядеть свою добычу повнимательнее. У некоторых сомов при легком прикосновении к ним из пасти вылетала, подобно пробкам, разная мелкая рыбешка — до того много ее было набито в желудках этих обжор. Позднее мне удалось проверить, что в брюхе одного сома содержалось тринадцать рыбок. Они составляли почти половину его собственного веса!..

Обложив добычу травой и закинув сумку на плечо, я стал подниматься вверх по ручью. Поток мелкой рыбы не прекращался. В иных местах ручей обмелел настолько, что даже у пескарей проступали из воды спинные плавники. Чебаки и караси, обдирая чешую, ползли боком. Коньки впервые выполняли роль соответственно своему названию — верхом на них ехали раки. Весь ручей напоминал какой-то удивительный конвейер. Рыба выбивалась из сил. Ее можно было прямо из ручья насыпать в корзины. Прутик — и тот был для нее серьезной преградой.

Встретив на пути затонувший сучок, чебаки не перескакивали через него, а переваливались, едва шевеля плавниками, либо обходили препятствие стороной. Многие отдыхали, отстаиваясь в ямках и вымоинах. Многие неподвижно лежали на отмелях. Среди живой плыла мертвая рыба.

По всему руслу высыхающего ручья расхаживали птицы — малые болотные цапли, пугающие своими дикими воплями амурских рыбаков, длинноногие кулики, торопливые бекасы. Одни уже насытились и просто полоскались тут, как бабы с бельем, другие, выхватив из-под ног пескаря или синявку, вытягивали шеи, запрокидывали головы и проглатывали добычу. С ветвей тальника, нависающего над ручьем, поминутно срывались зимородки и камнями падали в воду. Я вспугивал птиц своим появлением, они громко хлопали крыльями при взлете, кружились над островом и снова опускались в ручей — уже позади меня.

Кончились тальниковые заросли, и передо мной открылось длинное озеро — то самое, откуда вытекал ручей. В нем было еще много рыбы, она плескалась у берегов, поросших осокой, пряталась среди кочек, тысячными стаями скапливалась у входа в ручей. Успеет эта рыба уйти в протоку, а из протоки в Амур? Вряд ли. Завтра пересохнет ручей, и пути к Амуру будут отрезаны. Пройдет еще несколько недель — высохнет и озеро. Тогда на его месте будет кладбище рыбы. Такие кладбища я видел у берегов Ханки, где ноги человека по колению вязнут в рыбьих костях, на далеком зейском острове, где лисицы вытаскивают из ям еще полуживых сазанов, в долине Обора, где колонки и сейчас жиреют на карасях.

Не вся рыба возвратится в Амур. Позади меня, в устье ручья, наверное, снова чавкают сомы. Где-то пути рыбьих стай перехватят птицы и степные звери. Но в миллиардах икринок оставлено их потомст-

во. Придет новая весна, и полчища рыб опять появятся на лугах, в ручьях, лесных ключах, озерах и протоках. Их разошлет во все концы старый Амур, чтобы люди не переставали дивиться его сказочной щедрости.

Царица – рыба

Колхозники рыбацкой артели «Моряк», расположенной в сорока километрах от Хабаровска, ежегодно ловят в Амуре многопудовых калуг и осетров. Немало отборной рыбы и высокосортной зернистой

икры продают они государству, получая взамен муку, сахар, крупу и другие продукты.

Богатая добыча выпадает здешним рыбакам. Только ни разу не приходилось ловить им такой рыбы, какую поймал однажды их односельчанин Дмитрий Калашников.

Дело было зимой. Поставил Калашников свою подледную снасть и каждое утро приходил к проруби узнавать: нет ли улова.

Снасть на большую рыбу особенная: это простой длинный канат с голыми, остро отточенными крючками. Никакой приманки на крючках нет. Ее заменяют обыкновенные пробки-балберки, привязываемые на тонких поводках возле каждого крючка. Течение шевелит балберками, покачивая их из стороны в сторону, и это привлекает любопытную рыбу. Осетр, калуга, и иногда и крупный таймень, завидя шевелящуюся пробку, подплывают к ней и ударяют ее хвостом. «Рыба играет», — говорят рыбаки. Такая игра, однако, обходится ей недешево. Коварный крючок, рядом с которым привязана балберка, вонзается в рыбе тело. Рыба начинает биться, как сумасшедшая, в нее впадают соседние крючки, и так она попадает в ловушку.

Утром Калашников снял с крючков трехпудового осетра, а в полдень пришел к проруби снова. Он попробовал приподнять снасть багром — канат был натянут, как тетива. Какая-то огромная рыбина сотрясала его, волоча за собой всю снасть против течения.

«Как бы с якоря не сорвала», — забеспокоился рыбак и стал изо всех сил подтягивать канат к себе. Не тут-то было! Снасть не подавалась и на вершок.

Калашников побежал за соседями. Теперь за канат взялись трое мужиков. Иногда им удавалось сдвинуть рыбину с места, но стоило ей пошевелить-

ся — мужики падали с ног и выпускали канат из рук, чтобы не искупаться в проруби.

Кто-то догадался принести обрубок дерева. Его положили поперек проруби и к дереву привязали снасть. Так было надежнее. Лишь бы рыба не оборвала крючья, а утащить всю снасть она уже не могла.

Из деревни на реку примчались мальчишки. Они вертелись возле мужиков, что-то кричали, пытались даже помогать взрослым, а толку все равно не было.

— Ну, Митрий, спроворил ты рыбку! — говорили соседи рыбаку.—Сам умаялся до десятого поту и нас всех умаял. А рыбка-то как была подо льдом, так там и осталась.

— А не сбегать ли нам за лошадю? — надоумили мальчишки.

— А ведь и верно! — засуетился Калашников.— Без лошадей тут не обойдешься...

К проруби подвели пару коней. Мужики запрягли их цугом, привязали канат к постромкам и хором закричали:

— Н-но, сердешные! Наддай ходу!..

Снасть медленно поползла по льду.

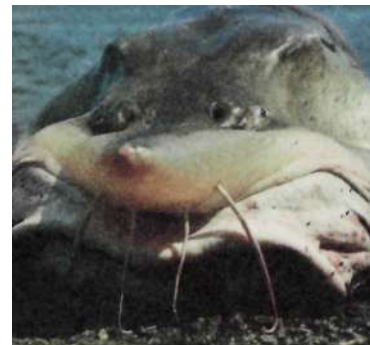
Рыба была подтянута к проруби. Она оказалась настолько большой, что прорубь пришлось спешно расширять.

Мужики снова прикрикнули на лошадей, подхватили рыбину баграми и выволокли ее на лед. Это была гигантская, в несколько метров длиной, амурская калуга. Весила она девяносто восемь пудов.

— Царица-рыба!—дивовались на нее мужики.— Не рыбина, а целый сутунок.

Чтобы отвезти калугу на хабаровский базар, рыбаку пришлось распилить ее на части и запрягать пару саней: в одни сани рыба не умещалась.

Много больших калуг ловили с тех пор колхозники «Моряка», а «царицу-рыбу», пойманную Дмитрием Калашниковым, не могут забыть и сейчас.

Рыбы – силачи

*В*есело потрескивает рыбачий костер. На таганке варится уха. В ожидании рассвета мы коротаем часы в праздных разговорах. Время от времени у воды, по обе стороны от костра, звякают колокольчики. Там стоят наши удочки. Колокольчики привязаны к лес-

кам, чтобы в темноте можно было узнавать, когда клюет рыба.

— Это ко мне сом позвонил,—шутит кто-то.

— Нет, ко мне,—отвечаю я, прислушиваясь. Свой колокольчик я отличу от сотни других: он звенит певуче и тонко.

Бегу к удочкам. Что такое? Одной удочки нет: ее утащила рыба. Какой силой должна обладать она, чтобы выдернуть из земли длинную бамбуковую палку и уплыть с нею?

Досадуя на себя, я возвращаюсь к костру.

— Ничего, не велика потеря,— сказал мне в утешение один из рыбаков.— Вот у меня был случай. В расчете на крупную рыбу поставил я удочку на ночь и придавил удилище камнем. Утром на старом месте удочки не нашлось. Махнув рукой, пошел я вдоль берега реки, вверх по течению. Минут пятнадцать шел, и вдруг вижу ныряющую в воде палку. Она была почти на середине реки. Живая палка меня заинтересовала, я сел в оморочку и догнал ее. Это была моя удочка. Сазан, в локоть длиной, целый километр тащил ее на буксире.

— А на мой закидной переметишко,— заговорил другой рыбак,— весной поймался таймень. Килограмма так на полтора, не больше. Когда я подошел к реке — рыба подпрыгивала над водой на всю длину поводка. Перемет, вместе с тяжелым свинцовым грузилом, таймень подтянул к берегу и метров на десять проташил против течения.

— Это что! — присоединился к беседе третий рыбак.— В селе Мазаново Амурской области, где я жил раньше, рыбаки поймали на свою снасть шестидесятипудовую калугу. Вначале она уволокла всю снасть вверх по Зее до следующего села, а потом, обессилев, стала спускаться вниз. Поймали ее уже в семидесяти километрах ниже Мазанова, за городом Свободным. Может, она проплыла бы и еще дальше,

да снасть зацепилась за быки зейского моста и остановила калугу.

Слушая собеседников, я и сам припомнил случай, как на реке Зее, в том же Мазановском районе, двухпудовый сом несколько часов таскал за собой рыбацкую лодку, пока рыбак не замаял его.

Так мы проговорили до самого рассвета. Когда стало светать, я еще раз попробовал разыскать свою удочку. Поиски ничего не дали.

Утром на протоку, где мы рыбачили, пришли купаться пионеры. Кто-то из них переплыл на другой берег, и к нам донесся его голос:

— Ребята, я удочку нашел!

Еще через минуту мальчик закричал:

— Э, да она с рыбой!..

Я попросил пионера переплыть с удочкой обратно. Удочка была моей. Ее вместе с удищем утащила касатка. Она уплыла за сто метров от нас.

Мне снова припомнились наши ночные разговоры.

Силу рыб никто не измерял. Но природа дает немало примеров тому, что и калуга, и таймень, и сазан, и даже маленькая касатка бывают иногда редкими силачами.

— Какой же ты рыбак, если ерша в руках не держал? — язвил он по моему адресу.

До поры до времени я помалкивал. Наконец знаменитый амурский ерш был пойман и самым неожиданным способом.

Я шел вдоль узкого ручейка, образованного летним паводком. Ручеек этот стекал из прибрежного озера в Амур и был настолько мал, что три жердочки, переброшенные через него в виде мостика для пешеходов, уже создавали запруду. У нее я и остановился. Вода переливалась прямо через мостик и пробила тут неглубокую вымоину. Мне показалось, что в яме шевельнулась рыба. Я присмотрелся и вполне отчетливо увидел ее колючий, почти во всю длину

Бакенщик Евсей, с которым я ходил на рыбную ловлю, часто подтрунивал над тем, что мне все не удавалось поймать амурского ерша. Он рассказывал об этой рыбе с уважением, говорил, что ерши здесь бывают в полпуда весом и в полметра длиной.

тела, спинной плавник и зеленовато-желтые бока в темных, неправильной формы, пятнах. Видно, она поднялась сюда из Амура, чтобы поджидать гольянов и востробрюшек, возвращающихся из озера в реку.

Перегородив ручеек ниже по течению таловыми прутьями, чтобы рыба не могла уйти, я вернулся к мостику и занялся охотой. Рыбина стрелой вылетела из ямы на отмель, где попала в мои руки...

Бакенщик, осмотрев мою добычу, сказал:

— В полкило рыбешка. Но хоть полкило — не полпуда, зато все-таки ерш!..

Теперь пришла моя очередь посмеяться над стариком. Я объяснил ему, что пойманная мною рыба, так похожая на ерша, называется аухой, что водится она только в Амуре, и что Амур — единственная река в Советском Союзе, где ершей нет.

— Выходит, и ты, Евсей, не ловил ершей,— пошутил я.

Бакенщика это не обескуражило. На шутку он ответил своей шуткой:

— Зато уха из аухи — не оттянешь и за уши.

Толыга

В детстве я любил перечитывать рассказы мореплавателей о летучих рыбах, проносящихся над палубами судов, о загадочном индийском анабасе, умеющим ползать по суше и даже забираться на стволы прибрежных пальм. Мне досадно было,

что ни в Зее, где я летними вечерами пропадал с удочкой, ни в других дальневосточных реках, на берегах которых я жил, не было таких диковинных рыб.

Позднее, когда я лучше познакомился с обитателями наших рек и озер, мне уже не приходилось сожалеть об этом. И у нас, на Дальнем Востоке, есть рыбы, способные своими повадками вызвать удивление.

В Амуре, например, водятся рыбы-прыгуны. Рыбаки знают их под именем толстолобое или толпыг. Эти крупные красивые рыбы из семейства карповых отличаются любопытной особенностью: стоит над ними появиться лодке или пароходу, как они начинают высоко подпрыгивать над водой и поднимают вокруг дикую пляску. Внезапно надвигающаяся тень вызывает у них паническое беспокойство.

Излюбленные места толпыг — тихие заводи возле островов, тенистые протоки, озера, соединяющиеся с Амуром. В таких местах толстолобы скапливаются бесчисленными табунами. Попробуйте проплыть здесь на каком-нибудь суденышке — вот где разыгрывается сумасшедший танец! Вы увидите, как рыбы до восьми килограммов весом и почти до метра длиной делают саженные прыжки в высоту, увесистыми булыжниками проносятся над головой, с шумом шлепаются в воду, и кажется, будто норовят угодить вам в затылок.

Был случай, когда толстолоб, пробив оконное стекло, влетел в кубрик пограничного катера. В другой раз полупудовая рыбина выкинулась на палубу парохода и сбила с ног мальчика-пассажира, вызвав переполох у его родителей. Сплавщики леса рассказывают, что на реке Тунгуске, впадающей в Амур ниже Хабаровска, толпыги часто заскакивают на плоты.

А плавать в этих местах на лодке и вовсе небезо-

пасно: того и гляди получишь оплеуху. Благоразумный лодочник, не желая подвергать себя риску, немедленно причаливает к берегу.

Мой земляк, покойный писатель и рыбовод Трофим Михайлович Борисов, учитель целого поколения дальневосточных рыбаков, говорил однажды, каким преследованиям толпыг он подвергался во вре-

мя своей последней поездки на озеро Болонь. В его душегубку заскочило тогда несколько крупных рыб, и одна толпыга так ударила его в переносицу, что он порядочное время не мог прийти в себя.

Мне самому тоже пришлось испытать атаку толстолобое. Вдвоем с приятелем — хабаровским рыболовом — мы плыли на моторной лодке вдоль одного из амурских островов. Когда лодка свернула в не-

большой заливчик за островом, мой спутник неожиданно пригнул голову и крикнул:

— Берегись!

Не успел я сообразить, в чем дело, как что-то ударило снизу в козырек моей кепки и сорвало ее с головы. Позади меня, за кормой, на которой я сидел, послышался тяжелый плеск: толстолоб, перелетев через мою голову, плюхнулся в воду. В ту же минуту, справа и слева от нас, из-под самой лодки взметнулось кверху еще с десятков рыбин.

— Каково, а? — шутил мой приятель. — Они такой фонарь могут подвесить, что родная мать не признает.

— Я и так едва избавился от пощечины, — отвечал я, поднимая со дна лодки вымокшую кепку...

К осени, когда вода в Амуре становится холоднее, толстолоб теряет свою прыть. В это время рыбью стаю, залегшую в каком-нибудь заливе, можно прощупать шестами. Рыбаки так и делают. Потом они окружают стаю неводом и вылавливают иногда сразу по несколько тысяч толпыг.

На ловле верхогляда

Всякий, кому доводилось бывать в Хабаровске, знает высокий утес напротив городского парка, с весны до осени облепленный рыбаками. Сюда идут с удочками, подпусками, сетками и прочей рыболовной снастью.

Амурское течение с шумом разбивается об утес, образуя возле него глубокие воронки. Вода проносится мимо каменной глыбы с такой быстротой, что ее не смеет пересилить ни одна лодка. Даже пароходы с трудом преодолевают сопротивление несущегося навстречу потока, и кочегары сильнее шуруют в топках, чтобы проскочить утес на полных оборотах винта.

Такую быстрину любят верхогляды — крупные, отливающие серебром, хищные рыбы с задранной кверху головой и высоко посаженными глазами. Обитатели китайских вод, они в большом количестве водятся и в наших дальневосточных реках.

Само название этих рыб объясняет их повадки. Все, что появляется на поверхности реки, принадлежит верхогляду. Он схватывает даже простое птичье перо, плывущее по воде, и только проверив, что перо это — вещь бесполезная, выталкивает его обратно.

Ловят верхогляда ранней весной и поздней осенью. На хабаровский утес в это время приходят десятки рыболовов.

Длинную лесу без грузила, с живой или искусственной рыбкой на крючке, рыбак выбрасывает на быстрину. Течение подхватывает ее и уносит от берега — по направлению речной струи. Рыбак еле успевает разматывать катушку, на которую намотана леса.

Стоп! — в руке, словно электрический ток, отдается рыбок шелковой нити. Леса натягивается: рыба схватила насадку.

Верхогляд берет живца с налету и редко срывается. Рыбак знает это и не тратит усилий на вываживание. Он быстро сматывает катушку и подводит рыбу к берегу, принимая ее сачком.

Другое дело, если наживу проглотит полупудовый верхогляд. С ним надо повозиться, как и со всякой порядочной рыбой. Рыбак то подтягивает его к берегу, то отпускает лесу, когда рыба начинает биться.

Лишь после того, как верхогляд обессилел, — рыбак заводит его в сачок.

Часто попадается верхогляд и в примитивную конусообразную сетку, перевернутую раструбом кверху и привязанную веревками к длинному шесту. Рыбак закидывает эту сетку как обыкновенный сачок, держит ее три-четыре минуты в воде, а затем, упираясь концом шеста в берег, поднимает ее на поверхность. Получается, что он попросту черпает рыбу из реки, как из огромного садка. Наверно, такой способ лова применим только на Амуре, где вода кишит рыбой: куда ни забрось свой «черпак» — что-нибудь да поймаешь.

Хабаровский рыболов Казарин однажды за два дня «начерпал» с утеса тысячу шестьдесят семь верхоглядов — по двадцать пять пудов рыбы в день!

— Вы бы хоть рычаг какой для подъема сетки придумали, — советовали Казарину хабаровчане, собирающиеся на утес к рыбакам, как болельщики на футбольное поле. — А так все руки отмахаете.

— Иной раз можно и помахать, — отвечал он, выкидывая на берег тысячного верхогляда. — Лишь бы рыбка на каждый взмах приходилась.

— В Китае эту рыбу колодезным журавлем ловят, — заметил кто-то, кому довелось побывать на чужом берегу.

Рыбаки захохотали. А знаток «журавля» стал рассказывать, как устроен этот необычный рыболовный снаряд: такой же, как у наших рыбаков, длинный шест с сеткой кладется в развилину столба, вкопанного в дно реки метра за полтора от берега. Один конец шеста рыболов держит в руках. Чтобы опустить сетку в воду — он поднимает его, чтобы вытащить из воды — прижимает к земле. Вращающаяся развилина на столбе дает возможность поворачивать к берегу тот конец шеста, к которому привязана сетка.

— Тех же шей да побольше влей,— оценили рыболовы китайскую выдумку.

— Как раз наоборот,—возразил Казарин: — от слабой пищи они такую штуку придумали. Руками-то не могут поднять сетку, вот и запускают своего «журавля».

Каких только разговоров не слушаешься на утесе!

Но рыбаки сразу прекращают беседу, как только усиливается клев. Вот мальчишка в спецовке ученика ФЗО быстро сматывает свою катушку, подводя к берегу бьющегося верхогляда. Вот рассыпанным серебром блеснул новый верхогляд в сетке Казарина. Рыба пошла, успевай поворачиваться!..

Утес пустеет лишь с наступлением темноты. Сперва уходят «болельщики», потом, один за другим, оставляют насиженные места рыболовы: ночью верхогляд не ловится.

Над Амуром устанавливается тишина. Только, дробясь об утес, глухо рокочут волны, да где-то далеко на зеленых островах кричит спросонья болотная цапля.

Умельничного колеса

*Н*а реке Ора, к западу от города Свободного, стоит плотина колхозной мельницы. Здесь рыбаки видели однажды, как таймень воевал с мельничным колесом.

Ора — быстрая лесная река со множеством пере-

катов, песчаных и галечных отмелей. С окрестных сопок в нее падают шумные таежные ключи и родники. Вода здесь всегда холодная, прозрачная и звонкая, как стекло. Это и привлекает сюда хладолюбивых рыб — тайменей, ленков, хариусов, налимов. Перебираясь даже по таким перекатам, где человек проходит, едва замочив подошвы сапог, рыба идет вверх — в сопки, к лесным ключам.

Ее путешествие замедляется у колхозной плотины. Она мечется здесь днем и ночью, пока не найдет выхода. Возле мельничного колеса, где вода бурлит и клоочет, разбегаясь глубокими воронками, деревенские ребята ловят хариусов. Иногда оводом или мухой, насаженной на крючок, соблазняются и таймени.

В один из майских вечеров, когда рыбаки были увлечены ловлей, кто-то из ребят закричал:

— Смотрите, смотрите, на колесо прыгает рыба!

Все обернулись в сторону плотины. Какая-то крупная рыбина больше метра длиной, извиваясь в дугу, прыгала навстречу грохочущему потоку. Она старалась пробиться сквозь него, ударялась о массивные лопасти мельничного колеса и падала обратно. Колесо отбрасывало рыбину, но она снова подкидывала кверху свое упругое, как брусок, длинное тело, мелькала в серебряных брызгах и хлопьях пены, била хвостом и, обессиленная, опять скатывалась с колеса в реку.

На крик ребятшек выбежал мельник. Его тоже удивила эта непонятная настойчивость рыбы.

— Должно, тальмень. Ишь, как разъярился! — приговаривал он. — И что бы ему свернуть вправо и проскочить мельницу по обводному рукаву? Так нет же, не колесо лезет...

Мельник не знал, что на пути к нерестилищам рыбы лососевых пород способны перепрыгивать даже многометровые водопады.

Вскоре таймень совсем выбился из сил и больше не появлялся над водой. Рыбаки успокоились и вернулись к своим удочкам.

Утром следующего дня, когда чуть рассвело, мельник, с полотенцем на плече, пришел к реке умываться. Шагах в двадцати ниже плотины, где начиналась отмель, он заметил какой-то предмет — не то полено, не то еще что. Мельник удивился не меньше вчерашнего, увидев, как полено вдруг шевельнулось и от него пошли легкие волны.

«Рыба», — сообразил он. Откинув полотенце и засучив штаны, мельник стал подкрадываться к отмели. Рыба не уходила. Подойдя вплотную, он схватил ее цепкими руками. Только тут рыба отчаянно забилась, вырываясь из рук, и ударом хвоста сшибла мельника в воду. Но добычи своей он уже не выпускал.

На берегу он разглядел, что вся спина и бока рыбы были в ссадинах и кровоподтеках. Это был тот самый таймень, который вчера так упрямо воевал с мельничным колесом. Таймень весил больше пуда.

У прорубей

Зима заковала в лед быстрые реки, завалила их снегом, замела поземкой. Как огромный медведь в берлоге, ворочается подо льдом старый Амур. Снаружи не слышно глухого урчания тяжелой его струи. Кажется, будто замер он до весны, и покори-

лась вода, и уснула в ней резвая рыба. Толстолобы и в самом деле залегли на дно бесчисленными стадами, сбились в глубоких ямах в три-четыре слоя и лежат без движения, пока их не обнаружит догадливый колхозный рыбак и не приведет сюда свою бригаду с подледным неводом.

Залегла до весны красивая рыба амур, опустил на дно багровоперый сазан, затаилась, поплотнее прижавшись к речной гальке, разная мелкая рыбешка. Если бы ты мог найти во льду светлое окошечко и, смахнув снег рукавицей, припасть к нему своим зорким глазом, ты увидел бы, как среди гальки на дне лежат пестрые стайки рыбок. Они совсем неподвижны, словно камешки, возле которых они притаились, и речное течение не тревожит их зимнего покоя. А попробуй взглянуть сквозь прозрачный лед еще и еще раз: там уже что-то случилось. Рыбки вдруг веером рассыпались во все стороны, только их и видел!.. Это ленок напугал их, промелькнув рядом, как тугая стрела.

Нет, не все рыбы уснули в Амуре! Без отдыха рыщет подо льдом стремительный таймень, нападает на лежища рыбок проворная щука, не знает усталости пятнисный ленок, разбойничают сиги, блестят светлой чешуей верхогляды. Даже неуклюжие налимы и те медленно ползают по камням, исходя икрой и молоками: у них в зимние месяцы начинается «брачная» пора.

— Скорей бы весна! — вздыхают многие рыболовы.

Только и зима не для всех любителей рыбной ловли — потерянное время. На Амуре есть немало охотников ловить рыбу из прорубей. Какой бы мороз ни трещал на дворе, они вооружаются тяжелыми пешнями и выходят на Амур долбить лед. Когда прорубь готова, рыбак ставит над нею маленькую палатку, чтобы защитить себя от морозного ветра,

наглухо закрывается в ней и садится у проруби па крохотный раздвижной стулик, прихваченный ИЗ дому вместе с нехитрой рыболовной снастью. Иные пламен палаток строят четырехугольные ледяные домики, и когдаходишь в такой домик — все в нем похоже на сказку: и прозрачные стены из толстого колотого льда, и сам рыбак — бородатый амурский дед в красноармейской шапке-ушанке, в старом овчинном тулупе, в огромных залатанных валенках Или потертых оленьих унтах. Кое-кто для обогрева пристраивает возле себя горящий примус, и тогда в домике над прорубью становится даже уютно.

По воскресным дням на реке возле Хабаровска из брезентовых палаток и ледяных домиков вырастают целые рыбачьи стойбища — так любят здесь проводить свой досуг заядлые рыболовы. В городе их называют «махальщиками», потому что все занятие рыболова зимой — сидеть у проруби и беспрерывно махать короткой палочкой, к которой привязана крепкая леса с искусственной рыбкой. От постоянного движения палочки-махалки рыбка подо льдом гренещется, как живая, и привлекает к себе верхоглядов и щук, сигов и тайменей.

Рыбачьи «стойбища» видны из окна моей квартиры, обращенной одной стороной к Амуре. Если выпадет свободный часок — я не могу усидеть дома и бегу навестить своих старых друзей — рыболовов.

Чаще всего я забираюсь в палатку к деду Базилеву — бывшему уссурийскому казаку, принимавшему когда-то участие в экспедициях капитана Арсеньева, знаменитого дальневосточного следопыта. Утопив ноги в тяжелых валенках и закутавшись в рыжий тулуп, перепопоясанный веревкой, он сидит у проруби на обрубке дерева, и короткая махалка С большим запасом леси — на случай, если придется выводить крупную рыбу, — мерно покачивается в его руке.

— Есть рыбка, Афанасий Петрович? — спрашиваю я.

— Есть, есть,— гудит он простуженным голосом,— два тайменя, один с вершок, другой помене.

Я знаю, что рыбак скромничает, что в мешке у него лежит десятка три сига, но дед, как всегда, недоволен.

— Нынче что за рыбалка? Так, грех один. Перевелась рыбка в Амуре. Раньше этой самой махалкой по мешку рыбы в час налавливали, а день посидишь, так за лошадью бежать надо — целый воз накидаешь.

Что рыбу, при баснословном ее богатстве, вылавливали из прорубей возами — это я слышал от многих амурских старожилов. Но здешним рыбакам и сейчас нет причин жаловаться на плохие уловы.

— А помните, Афанасий Петрович,— говорю я старику,— как в декабре вы за два часа сто семьдесят ленков поймали?

— Уж это как пофартит,— уклончиво отвечает он.— Вот вчера пришел сюда порыбалить один врач из городской больницы. Человек, можно сказать, и рыбу-то только на сковороде видал. А вот, поди же, повезло ему: такого матерого тайменя вымахнул, что мы все диву дались. Больше часу с ним промаялся, пока из лунки выволок. Рыбина чуть не в полтора метра длиной, пуда на два потянет. Стоит этот врач над ней, аж дрожит весь — этакая удача ему выпала. И понимаешь ты, ведь завлекло человека: сегодня опять пришел, вон его палатка стоит — четвертая слева...

Дед рассказывает, не прекращая своего утомительного занятия. Палочка в его руке взлетает то вверх, то вниз, и если долго на нее смотреть — начинает рябить в глазах.

— Устает рука-то?

— Еще как!— восклицает он.— За день так намахаешься — аж в лопатках отдаст. Иной раз себе

зарок ставлю: не пойду больше. А соскочил утром с постели — опять на Амур потянуло. Вот ведь статья какая!..

Дед резко берет махалку на себя. «Клюнуло!» — догадываюсь я. Он быстро сбрасывает рукавицы и голыми руками выбирает леску. В проруби бьется серебристый сиг. Рыбак подхватывает его сачком и, сняв с крючка, кладет в обледенелый мешок.

— Ну, теперь можно и покурить,— улыбается он в густую белую бороду, покрытую сосульками, и лезет в карман за махоркой. Прихваченные морозом пальцы не слушаются, дед никак не может скрутить папироску.

— Придется, видно, сперва руки отогревать.

Способ, каким он делает это, вызывает у меня легкий озноб: засучив рукава тулупа, он почти по самый локоть сует голые руки в прорубь и держит их там две-три минуты. Потом обтирает их тыльной стороной тулупа и снова берется за кисет.

— Вот сейчас отошли,— говорит он и легко скручивает папироску. Он поясняет: — Вода подо льдом всегда теплее воздуха. Где же нашему брату — рыбаку и погреть руки, как не в проруби?

Деда не устроишь, видно, никаким морозом.

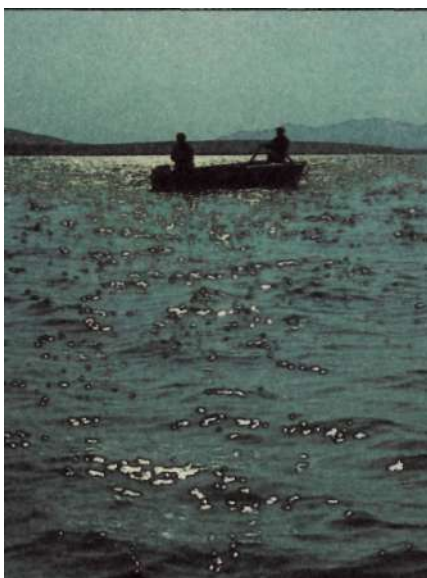
Пожелав удачи ему, я заглядываю в палатки и ледяные домики других рыбаков. У одного в мешке лежат икряные налимы, у другого — сизи, у третьего — ленки и верхогляды. Разная приманка и разный улов: ленок хорошо идет на свежую кетовую икру, сиг — на блесну, и все вместе — на живую рыбку. Только достать живую рыбку зимой не так-то легко, и рыбаки заменяют ее кусочками мороженой рыбы. Выходит иногда, что верхогляд клюет на верхогляда, а ленок — на ленка.

Мороз то и дело схватывает воду в прорубях. Она затягивается стеклом тонкого льда. Рыбаки скальва-

ют его и вычерпывают решетчатыми лопаточками наподобие теннисной ракетки. То в одной, то в другой проруби бьется пойманная рыба.

С богатым уловом возвратятся домой рыбаки. Л там, где еще час назад стояли их палатки,— разгуляется непогода. Уже свистит морозный ветер в прибрежных тальниках, по широкому торосистому полю на реке крутит поземка. За ночь наметет она высокие сугробы и скроет следы рыбачьих лунок. Надолго ли? Пет, придет новое утро — и опять возникнут на льду летучие «стойбища» рыбаков. Так будет продолжаться до самой весны, пока Амур не сбросит своей ледяной шубы.

Кета с иероглифом

Рыбаки Тауйской губы перебирали сети с кетой. Одному из них попалась редкостная рыбина: сквозь ее жаберную крышку была продета серебряная пластинка.

— Эй, ребята,— подозвал он своих товарищей,— гляньте-ка, что за диковина.

К нему подошла вся бригада. Люди с интересом рассматривали пластинку.

— Подождите, никак тут какие-то знаки? — паял кету бригадир.— Да, да, японский иероглиф выбит. И число стоит: 78.

— Надо отнести эту кетину на рыбоводный пункт,— посоветовал кто-то.— Там разберутся.

— Правильно,— согласился бригадир,— понесем ее к рыбоводу.

Тот сразу вооружился лупой.

— Знаете, что тут написано? — обернулся он к рыбакам.— Эта рыба выпущена в Тихий океан у японских берегов. До нашей речки Ола, если мерять по прямой линии, она прошла тысячу шестьсот километров.

— Ничего себе отмахала! — удивились рыбаки.— Л зачем ей пластинку-то прицепили?

— Видите ли, в чем дело,— стал объяснять рыбовод.— У кеты есть одна удивительная привычка: она идет погибать туда, где вывелась из икры. Ее мальки весной покидают пресноводные речки и ключи и скатываются в море. Там проходит вся короткая жизнь кеты. Через три-четыре года, когда наступает пора нереста, кета, уже крупной рыбой, возвращается на прежние места, мечет икру и погибает. Ее колыбель становится ее же могилой... Начало и конец кетовой жизни легко проследить. Но как живет дальневосточный лосось в море? Где пасется? Как далеко уходит он от родных речек и ключей? Чтобы выяснить это — ихтиологи разных тихоокеанских стран метят кету тончайшими серебряными пластинками.

Такую меченую рыбу поймали не вы одни,— продолжал он.— Рыбаки Карагинского района на Камчатке однажды выловили в реке Панкаре кету с по-

метками американцев. Выпущена она была возле Шумагинских островов на Аляске. Рыба проплыла по морю немного-немало 3 500 километров!

— Нашу обставила! — засмеялся бригадир.

— Выходит, обставила,— подтвердил рыбовод.— У кеты длинная дорога. Случается, что она обрывает крючки, которыми японцы ловят треску возле острова Хоккайдо, и с этими крючками попадает в руки амурских колхозников. Так ихтиологи узнают, какими путями идет кета в родные речки и ключи. Их наблюдения дают возможность промыслять рыбу не только вблизи от берегов, но и в далеком море.

Многое из того, что услышали рыбаки, было для них новостью. Все это рассказала серебряная пластинка. Она поведала целую историю о рыбе-путешественнице, странствующей по морям и океанам и возвращающейся от берегов Америки или Японии в какую-нибудь безымянную речку на Дальнем Востоке, чтобы оставить здесь свое потомство и умереть.

1943-1945

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Амур — мечта рыбацкая</i>	<i>/5</i>
<i>Касатка и пескари</i>	<i>/11</i>
<i>Золотая удочка</i>	<i>/14</i>
<i>Рыбы-пешеходы</i>	<i>/18</i>
<i>Сом-птицелов</i>	<i>/20</i>
<i>После паводка</i>	<i>/24</i>
<i>Царица-рыба</i>	<i>/20</i>
<i>Рыбы-силачи</i>	<i>/34</i>
<i>Аула</i>	<i>/38</i>
<i>Толпыга</i>	<i>/41</i>
<i>На доале вертагляда</i>	<i>/42</i>
<i>У мельничного колбеса</i>	<i>/49</i>
<i>У прорубей</i>	<i>/53</i>
<i>Кети в иероглифом</i>	<i>/60</i>